

Лубенцов В. Н.

1986/5
249

Соб. артист, 1986, 30 мая

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ АРТИСТ И ПЕВЕЦ

К 100-летию со дня рождения В. Н. Лубенцова

Василия Никитича Лубенцова я услышал тогда, когда сам еще не думал ни о лении, ни тем более о театре.

Однажды в Харькове, где я жил, готовясь к поступлению в Технологический институт, был объявлен концерт Киевского городского оперного театра. Не скажу сейчас, кто принимал участие в этом концерте, но единственный, кого я запомнил, — был молодой певец с очень приятной внешностью, буквально поразивший меня своим голосом. Это был Василий Никитич Лубенцов... Не помню даже, что он пел, но до сих пор, а ведь прошло столько лет, звучит во мне его яркий, сочный, бархатный бас.

Шли годы. Я поступил в консерваторию. Стал певцом. Пел во многих городах России. И вот — приглашение в Москву.

Когда я пришел в Большой театр и увидел там Василия Никитича, мне показалось, будто я встретился с очень приятным давнишним знакомым. Это чувство меня не обмануло. Мы быстро сошлись и подружились с этим добродушным, веселым, красивым человеком.

В первые годы моей работы в Большом театре директором была Елена Константиновна Малиновская. Человек она была увлеченный, влюбленный в искусство и, к чести ее сказать, великолепный директор, ибо любила и ценила не только Театр, а самое главное, любила людей — актеров в этом самом Театре. Именно по ее инициативе Дом-усадьба художника В. Д. Поленова был сохранен как музей, а в усадьбе создан дом отдыха специально для работников Большого театра.

С теплотой и доброй улыбкой вспоминаю я эти годы. Почти 50 лет отделяют меня от того времени, но многое помню, как сейчас.

В течение ряда лет мы, актеры Большого театра, с удовольствием проводили летние месяцы в поленовском доме. Усадьба стояла на самом берегу красавицы Оки. Роскошная русская природа, воспеваемая В. Д. Поленовым в его чудесных картинах, окружала нас.

В то время у нас подобралась небольшая, но замечательная компания: Л. В. Собинов, В. Н. Лубенцов, Н. С. Ханаев и я. Дружили мы, дружили наши семьи... Совместные походы по грибы, за земляникой и просто прогулки по лесу доставляли нам немало удовольствия. Старая, выдавшая виды лодка, которую я раздобыл у Поленовых и которую по мере сил привел в приличное состояние, служила нам для рыбной ловли...

«Эх! Поестъ бы настоящей рыбацкой ухи!» — со вздохом сказал как-то Леонид Витальевич

Собинов. Мы все очень любили этого милого, обаятельного человека и решили с Василием Никитичем сделать ему сюрприз.

Не надеясь на собственный улов, рано, на рассвете, отправились на лодке в район деревни Бехово, где обычно промышленники ловили рыбу. Они и снабдили нас самой лучшей рыбой, которая была у них в сетях. Возвращаясь обратно, мы увидели, что пляж усеян пестрой тол-

В. Лубенцов — Иван Хованский («Хованщина»).

пой наших отдыхающих купальщиков. Не удержавшись от розыгрыша, мы гордо продемонстрировали наши трофеи. После, конечно, все разъяснилось, но первое впечатление от нашего «улова» было ошеломляющим.

Вечером вся наша компания расположилась на высоком берегу Оки.

Разожгли костер. Уха, приготовленная искусными руками Василия Никитича, была великолепна!

Теплая погода, необыкновенной красоты огненные зорьки заката, чарующая тишина и благодать, разлитая в вечернем воздухе, располагали к откровенной, дружеской беседе. С увлечением вспоминали мы всевозможные смешные истории из своей жизни. Особенно интересны были истории Леонида Витальевича и Василия Никитича, который необыкновенно «смачно» рассказывал украинские анекдоты и рассказы, одобренные народным, чисто гоголевским юмором. Хором пели русские и украинские песни.

Встречи наши с Василием Никитичем продолжались и зимой. Часто играли у меня дома в преферанс. Василий Никитич

очень любил эту игру и играл отлично.

Вообще, повторяю, я с удовольствием встречался с Василием Никитичем вне театра. У него было большое человеческое обаяние, и он умел располагать к себе людей.

Актер и певец В. Н. Лубенцов был великолепный.

Очень музыкальный, он быстро разучивал свои партии, еще быстрее входил в роль. Пел, не думая о звуке, не формируя его искусственно, не затрудняясь. Природа щедро одарила этого человека, ему все давалось легко. Казалось, в нем заложены зачатки всех его героев, и он, не задумываясь, вынимал, как из рога изобилия, образы своих оперных персонажей.

Множество партий было в репертуаре Василия Никитича. Во многих операх я встречался с ним: я пел Бориса, он — Пимена и Варлаама, вместе пели в «Хованщине»: я — Досифей, он — Хованский, в «Руслане и Людмиле» я пел Руслана, Василий Никитич — Фарлафа.

В книге воспоминаний о своей творческой жизни я пишу: «Не могу не вспомнить здесь Василия Никитича Лубенцова — талантливейшего характерного певца и актера. Такие образы, как Хованский или Варлаам, мне кажется, еще никем не превзойдены».

С удовольствием вспоминаю спектакли с участием Василия Никитича: царь Салтан и Додон в сказочных операх Н. Римского-Корсакова, Голова в «Майской ночи» и «Черевичках». Как-то Василий Никитич признался мне, что очень любит этих своих героев и с удовольствием исполняет их роли.

В. Лубенцов — царь Додон («Золотой петушок»).

В. Лубенцов — Фарлаф («Руслан и Людмила»).

У него был свой репертуар, в котором артист был неподражаем. Отлично помню, что на протяжении многих лет Василий Никитич был единственным исполнителем партий Хованского, Варлаама, царя Салтана, Додона, Гундинга в «Валькирии» и целого ряда других партий в репертуаре Большого театра, ибо в то время сравниться с ним в их исполнении было некому.

И все же, я думаю, что этот безусловно незаурядный, талантливый человек не до конца использовал свои возможности. Порой бывала ситуация, когда нужно было постоять за себя, где-то вовремя протестовать, настаивать. Я говорил: «Василий Никитич, что же вы?». «А, да ну их...» — обычно отвечал он, отмахиваясь. Конечно, он был недоволен, подчас огорчался, но я не помню, чтобы он выражал свое недовольство или делился с кем-нибудь своей неудовлетворенностью. В нем было очень развито чувство собственного достоинства.

Зато я никогда не слышал, чтобы он «судил» кого-нибудь или говорил о ком-нибудь плохо. Театр он любил, творил легко и радостно и любил именно Театр, а не себя в нем.

Но, кроме театра, любил Василий Никитич жизнь — полную, полную, щедрую, яркую. Любил друзей, которых у него было много, и друзья любили его, потому что Василий Никитич Лубенцов был бескорыстным, чуждым всякой зависти и карьеризма человеком и хорошим товарищем.

Марк РЕЙЗЕН, народный артист СССР.

В. Лубенцов — Варлаам («Борис Годунов»).

Адрес редакции: 103009, Москва,